

М. Лысый

«OMNES MARAHONI INSIMUL MANDAVERUNT» МОРАВАНЕ КАК ЭТНОС И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА

Началом великоморавской истории в научной литературе и современной исторической памяти обычно считается возникновение «Великой» Моравии приблизительно в 833 г., когда произошло изгнание Прибины из Нитры и последующее объединение Моравии и Нитранской земли. Поиск и обретение «Великоморавской державы»¹, таким образом, отодвинуло на задний план вопрос о том, кем, собственно, были мораване, впервые появившиеся в письменных документах в 822 г., когда их представители прибыли на имперский сейм во Франкфурте². Этот, казалось бы, банальный вопрос предполагает, тем не менее, возможность разных ответов.

Озвучивая их, необходимо напомнить, что дело существенно осложняется отсутствием какого бы то ни было летописного произведения, которое имело бы моравское происхождение. В отсутствие моравского Галла Анонима или Козьмы нам остается довольствоваться преимущественно иностранными источниками — хрониками и анналами. Правда, моравское происхождение имеют некоторые агиографические источники, но «народ» и моравский политический строй находились вне фокуса внимания их авторов, появляясь лишь как фон, на котором представлены Константин-Кирилл и Мефодий. То же, что известно о происхождении мораван из позднейшей

¹ См. обзор историографии: *Lysý M. Moravia, Mojmirovci a Franská ríša. Štúdie k etnogenéze, politickým inštitúciám a ústavnému zriadeniu na území Slovenska vo včasnóm stredoveku. Bratislava, 2014. S. 107–147.*

² «Ibique generali conventu congregato necessaria quaeque ad utilitatem orientalium partium regni sui pertinentia more solemni cum optimatibus, quos ad hoc evocare iusserat, tractare curavit. In quo conventu omnium orientalium Sclavorum, id est Abodritorum, Soraborum, Wilzorum, Beheimorum, Marvanorum, Praedenecentorum, et in Pannonia residentium Abarum legationes cum muneribus ad se directas audivit» (Annales regni Francorum inde ab a. 741. usque ad a. 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiores et Einhardi ad a. 822 / Ed. F. Kurze. Hannoverae, 1895. P. 159).

«Повести временных лет»³, является общеславянским мифом, в котором мораване, хотя и упоминаются, но не играют особо заметной роли.

В связи с этим в настоящей работе мы рассмотрим, прежде всего, вопрос о значении самого термина «мораване» (или «моравские славяне»), встречающегося в целом ряде различных источников, главным образом, франкского и моравского происхождения. А также вопрос о том, в каком соотношении находились мораване с властной структурой, представленной правителями из рода Моймировичей и прочими князьями. Упоминания о мораванах мы будем анализировать в контексте того значения, которое им придается в конкретном источнике, при этом мы, конечно, будем принимать во внимание то, является ли автор источника человеком баварского (или франкского), моравского или какого-либо иного происхождения.

В связи с тем, что для Моймировичей никто не написал произведения политического характера, какими стали для Арпадов Хроника венгерского Анонима или Хроника Козьмы Пражского для Пржемысловичей, нам нужно будет чем-то заполнить это пробел. Казалось бы, естественным было бы использовать более поздние источники, позиционирующие себя в качестве носителей традиции Моймировичей, но они не вызывают большого доверия⁴. Поэтому более правильным будет сравнивать мораван IX века с другими славянскими общностями.

Здесь, однако, могут возникнуть сомнения относительно того, насколько оправданным является проведение аналогий между различными славянскими племенами, коль скоро стоит вопрос о том, что вообще представляли собой славяне в раннее Средневековье и насколько релевантным для них было славянское самосознание, если оно вообще существовало в ту эпоху⁵. В настоящей работе мы, однако, не будем решать вопрос славянской идентичности, поскольку для проводимых нами сопоставлений он не столь важен. Конгломерат славянских племен и их властных структур на пространстве от Балтики до Среднего Подунавья несомненно имел общие черты, к

³ Повесть временных лет. Ч. I: Текст и перевод / Подгот. текста Д. С. Лихачева; Пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.: Л., 1950. С. 11.

⁴ Речь идет о некоторых источниках эпохи высокого Средневековья, которые хотя и располагают кое-какими сведениями о Моймировичах, но подчас подают их в весьма деформированной форме, не сообщая прямо ни имен правителей, ни даже названия самой страны. Прежде всего, это «Деяния венгров» магистра П. или хроника венгерского Анонима (P. magistri, qui Anonymus dicuntur Gesta Hungarorum, с. 28 // *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum*. Vol. I / Ed. E. Szentpétery. Budapestini, 1937. S. 70). Наполненная анахронизмами хроника Анонима имеет достойную параллель в виде Летописи попа Дуклянина (см.: *Presbyteri Diocleatis regnum Sclavorum // Magnae Moraviae Fontes Historici* (далее — MMFH). Vol. I. S. 238–245). Некоторые ее известия был готов принять Л. Гавлик (*Havlik L. E. Dukljanská kronika a Dalmatská legenda* (Rozpravy Československé akademie věd. Řada společenských věd. Roč. 86. Sešit 2). Praha, 1976). Путаницу с текстом этой летописи оставил и М. Эгерс, который на ее основании пытался локализовать Моравию в Потисье (*Eggers M. Das «Gross-mährische Reich». Realität oder Fiktion? Eine Neuinterpretation der Quellen zur Geschichte des mittleren Donaupraumes im 9. Jahrhundert*. Stuttgart, 1995. S. 182–183). Некоторым темам в хронике готов верить и М. Хомза (*Homza M. et al. Svätopluk v európskom písomníctve. Štúdie z dejín svätoplukovskej legendy*. Bratislava, 2013. S. 136, 139). И все это вопреки тому, что южнославянская летопись, очевидно, описывала позднейшие хорватские реалии, которые, однако, помещала в более раннее время.

⁵ Об этих логических сомнениях, ярко проявившихся в последнее время, см. сборник «Неславяне о происхождении славян» («Neslované» o roďáčích Slovanů / Red. P. Urbańczyk. Praha, 2011) и, конечно, часто цитируемую книгу американского ученого Ф. Курты (*Curta F. The making of the Slavs: History and archaeology of the Lower Danube region*, с. 500–700. Cambridge, 2001).

каковым можно отнести и похожие названия социальных институтов⁶, «демократичность» управления⁷ или первоначальную дохристианскую религию⁸.

Как уже было сказано, мораване впервые появляются в письменных источниках в 822 г. Ни один из источников IX века не занимается вопросом их происхождения и не конкретизирует, что вкладывалось тогда в понятие «мораване». Страна и народ мораван принадлежали к числу само собой разумеющихся реалий региона Среднего Подунавья. Письменные источники описывают события, главным образом, начиная с 60-х гг. IX в., а затем, начиная с X в., после того как замолкают Фульдские анналы, мы получаем все более и более фрагментарную информацию о моравских делах. Несмотря на то, что падение династии Моймировичей нашло отражение в письменных источниках⁹, «темное» X столетие дает большее пространство для домыслов, нежели для формирования ясных представлений о судьбе моравской «gens». Ничего не изменило

⁶ *Steinhübel J.* Slované «gentes» a ich vladykovia, kniežatá a kagani od s'ahovania národov po Svätopluka // *Kováč D.* Slovenské dejiny v dejinách Európy. Vybrané kapitoly. Bratislava, 2015. S. 262–284.

⁷ Об общественном устройстве полабских славян см., например: *Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse vom 6. bis 12. Jahrhundert* / Hrsg. von J. Herrmann. Berlin, 1985. S. 252–268. Притом, что мы можем высказать некоторое несогласие со схематичностью в обработке материала, авторы справедливо выделили роль народных собраний у полабских славян, хотя и поставили ее в связь с так называемой «военной демократией». Вальтер Шлезингер проанализировал общественный строй сорбов, выделив правителя, вельмож и разделенное на две страты население (см.: *Schlesinger W.* Die Verfassung der Sorben // *Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder* / Hrsg. von H. Ludat. Giesen, 1960. S. 75–102). Общество велетов (лютичей) рассмотрел в этом же сборнике с акцентом на роль «народа» М. Хельман (*Hellmann M.* Grundzüge der Verfassungsstrukturen der Liutizen // *Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder*. S. 103–113). Из чешской литературы см. особенно: *Havlík L. E.* Slované státní útvary raného stredoveku. Politické postavení, spoločenská a vládná organizace státních útvarů ve východní, strední a juhovýchodní Európe od 8. do 11. stololetí. Praha, 1987; *Wihoda M.* Sněmy Čechů // *Šlechta v proměnách věků* / Red. T. Knoz, J. Dvořák. Brno, 2011. S. 17–37. Конечно, народные собрания не были исключительной особенностью славянских обществ. Нельзя, однако, не заметить, что особенно на ранних этапах развития народные собрания были важными партнерами князей. О народных собраниях у славян см. также новаторскую работу К. Цернака: *Zernack K.* Die burgstädtischen Volksversammlungen beim den Ost- und Westslawen. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des Veče. Wiesbaden, 1967. О роли народных собраний на границе между «gens» и «regnum» см. также: *Hudáček P.* Kráľovstvo, monarchia alebo štát? (K otázke používania konceptu štátu v ranom stredoveku) // *Forum Historiae*. 2014. Roč. 8. Č. 2. S. 31–32.

⁸ В обобщенном виде см.: *Eliade M.* Dejiny náboženských predstáv a ideí III. Od Muhammada po reformy. Bratislava, 1997. S. 36–42.

⁹ Тема падения Великой Моравии рассматривается в уже ставшей классической работе Д. Тржештика: *Třešník D.* Pád Velké Moravy // *Typologie raně feudálních slovanských států*. Sborník příspěvků z mezinárodní konference k tématu «Vznik a rozvoj slovanských raně feudálních států a národnosti ve střední a jihovýchodní Evropě», konané ve dnech 18.–20. listopadu 1986 v Praze. Praha, 1987. S. 27–76. Судьбу Моравии после 906 г. оригинально интерпретировал Я. Штайнхюбель, предположив наличие чешского господства над Нитранской землей до 920 г.: *Steinhübel J.* Nitrianske kniežatstvo. Počiatky stredovekého Slovenska. Rozprávanie o dejinách nášho územia a okolitých krajín od s'ahovania národov do začiatku 12. storočia. Bratislava, 2004. S. 159–164. Историю Моравии в X в. на основании, к сожалению, неполной информации письменных источников с дополнением ее археологическими данными в обобщенном виде изложил М. Вигода: *Wihoda M.* Morava v době knížecí (906–1197). Praha, 2010. S. 86–94.

в этом плане и объединение Чехии и Моравии в 1029 г.¹⁰, так как происхождение мораван было по сравнению с «*translatio regni*» темой куда менее привлекательной¹¹.

Моравский миф стал более подробно излагаться лишь на рубеже Средневековья и Нового времени, когда помимо представления о славянском происхождении мораван стала развиваться маркоманская теория. Теория эта связана с именем чешского историка Вацлава Гаека из Либочан († 1553 г.), провозгласившего вождя германского племени маркоманов Маробода, жившего на рубеже эр, моравским и маркоманским королем¹². При этом, однако, само собой разумеющимся фактом считалась славянская принадлежность мораван, если, конечно, не принимать во внимание попытку моравского земского архивариуса Бертольда Бретгольца (1862–1936 гг.) представить непрерывным процесс германского заселения Чехии и Моравии с римских времен до современной ему эпохи¹³, а также проблематику областной (региональной) идентичности в Моравии, сохраняющей свое значение до сих пор.

И все же в вопросе, как именно надлежит понимать «моравскость», как применительно к IX столетию, так и по отношению к более позднему времени, единства не наблюдалось. В XIX в. часть моравских ученых приняла концепцию Франтишка Палацкого (1798–1876 гг.) об историческом (и политическом) единстве Чехии и Моравии. Это хорошо видно в историческом труде предшественника Бретгольца в Земском архиве Моравии, Беды Дудика (1815–1890 гг.). Согласно Дудику, народом, заселившим территорию «маркграфства», были славяне, которые делились на несколько племен, отличавшихся друг от друга «костюмами», наречиями и физическими признаками¹⁴. Так же как и другие авторы этой эпохи, Дудик, вразрез с предыдущей практикой, использовал понятие «народ» в значении более широкой, чем племя, единицы: несколько племен образовывали один народ.

По мнению Вацлава Новотного (1869–1932 гг.), который, как в свое время и Ф. Палацкий, был уроженцем Моравии, мораване, чехи и словаки были одним народом, состоявшим из разных племен, однако мораване, в отличие от чехов, не сохранили своих «племенных названий»¹⁵. Исключение, возможно, представляли только «голеншицы» (*Golensizi*) из «Баварского географа», которых Новотный с осторожностью локализовал на территории Моравии¹⁶. Кроме голеншицов Рудольф Дворжак предполагал еще существование ловатицов (*Lovatici*) к югу от реки Дые¹⁷. «Моравские племена» должны были, по мнению Новотного, объединиться еще до Моймира I. Прибина был будто бы последним «племенным» князем, не принявшим участие в этом объединении — его изгнание Новотный относил к периоду 833–836 гг.¹⁸ Позднее четыре «племенные

¹⁰ О датировке события со ссылками на релевантную литературу см.: *Lysý M. Politika českého kniežata Břetislava I. (1035–1055) voči Uhorsku // НС. 2004. Roč. 52. Č. 3. S. 452–453.*

¹¹ *Wihoda M. Morava v době knížecí (906–1197). S. 9–15.*

¹² *Václav Hájek z Libočan. Kronika Česká / Ed. J. Kolár. Praha, 1981. S. 38.*

¹³ Ср., например: *Bretholz B. Geschichte Böhmens und Mährens. Erster Band. Das Vorwalten des Deutschthums. Bis 1419. Reichenberg, 1921.*

¹⁴ *Dudík B. Dějiny Moravy. Díl I. Od nejstarších dob až do r. 906. Praha, 1871. S. 56–58.*

¹⁵ *Novotný V. České dějiny. D. I. Č. I. Od nejstarších dob do smrti knížete Oldřicha. Praha, 1912. S. 287–288.*

¹⁶ *Ibid. S. 288–289.*

¹⁷ *Dvořák R. Vlastivěda Moravská. I. Země a lid. Dějiny Moravy. Kniha první: Od nejstarších dob až po vymření Přemyslovců (–1306). Brno, 1899. S. 27.*

¹⁸ *Novotný V. České dějiny. D. I. Č. I. S. 292–293 (датировка с опорой на: *Huber A. Geschichte Österreichs. Erster Band. Gotha, 1885. S. 95–96*). Аналогичный вывод о завершении «процессов*

области» в Моравии выделял на основе результатов археологических раскопок Йозеф Поулик¹⁹. В чешской историографии мораван нередко рассматривали как часть чехов, вследствие чего население Моравии IX века именовали «чехославянами»²⁰.

Словацкая историография, опираясь на «Историю королевства и королей славян» Юрия Папанека (1738–1802 гг.)²¹ и произведения эпохи национального возрождения²², с большим трудом решала для себя вопрос этнической принадлежности мораван. Неубедительной была версия Франко В. Сасинека (1830–1914 гг.), который представил мораван наследниками «Державы Само», опираясь при этом на отдельные известия венгерского Анонима (вроде упоминания вождя Морута)²³, порождающие больше споров, нежели доверия к их информации²⁴.

Последующие метания преемников Сасинека между названиями «словене» и «словаки»²⁵, а также по вопросу других возможных обозначений, завершилось принятием официальной трактовки истории Великой Моравии в эпоху существования «Словацкой республики» (1939–1945 гг.). Видный историк периода «Словацкой республики» (а также депутат тогдашнего сейма) Франтишек Грушовский (1903–1956 гг.) выразил это вполне однозначно: Великая Моравия была государством, населенным «исключительно» словаками²⁶. Однако, даже «древние словаки» Грушовского не представляли из себя единого целого, потому как делились на меньшие племена или княжества, которые он искал в бассейнах Грона и Вага и в Малых Карпатах²⁷. Таким образом, эта модель была в сущности вариантом тезиса Вацлава Новотного, только с другим общенародным названием. Разница между обоими авторами заключалась лишь в том, что из общего «народа» Грушовский исключил чехов. Поэтому нельзя не прийти к выводу, что в то время как Новотный проецировал в прошлое колларовскую идею чехословацкого народа, Грушовский исходил из суверенитета словацкого народа, что было главным лозунгом Глинковой словацкой народной партии, а в дальнейшем — государственной доктриной «Словацкого государства».

централизации» среди «моравских племен» делал и Йозеф Поулик, согласно которому Прибина был представителем «племени словен» (см.: *Poulik J. Staří Moravané budují svůj stát. Gottwaldov, 1960. S. 165–166*; см. также: *Graus F. Die Nationenbildeng der Westslawen im Mittelalter. Sigmaringen, 1980. S. 43*).

¹⁹ *Poulik J. Staroslovanská Morava. Praha, 1984. S. 85, 113, 115.*

²⁰ *Kadlec K. Dějiny veřejného práva ve střední Evropě. Praha, 1928. S. 156–157.*

²¹ *Papanek G. De regno regibusque Slavorum atque cum prisci civilis, et ecclesiastici, tum hujus aevi statu gentis Slavae. Quinque ecclesiis, 1780.*

²² См. об этом: *Butvin J. Veľkomoravská a cyrilometodská tradícia v slovenskom národnom obrodení // Historické štúdie. 1971. Roč. 16. S. 131–150.*

²³ *Sasinek Fr. V. Dejiny drevnych národov na území terajšieho Uhorska. Skalica, 1867. S. 158.*

²⁴ О критике источника в историографии см., например, вводную статью к его словацкому изданию: *Múcska V. Kronika anonymného notára kráľa Bela. Gesta Hungarorum. Budmerice, 2000. S. 15–30.*

²⁵ *Škultéty J. Pribina // Ríša veľkomoravská. Sborník vedeckých prác / Red. J. Stanislav. 2. vyd. Praha, 1935. S. 9–24.*

²⁶ *Hrušovský F. Slovenské dejiny. Turčiansky sv. Martin, 1940. S. 52.* — Еще дальше был готов идти Генрих Бартек, находя словаков уже в V веке. Его статья была заново опубликована составителями сборника «Этногенез словаков» в 2009 г. (*Bartek H. Slováci a ríša kráľa Sama // Etnogenéza Slovákov. Kto sme a aké je naše meno / Red. R. Marsina, P. Mulík. Bratislava, 2009. S. 128–137*).

²⁷ *Hrušovský F. Slovenské dejiny. S. 32–33.*

Терминологическое наследие исторической идеологии «Словацкого государства» вернулось, в несколько измененном виде, вскоре после 1989 г., причем как в умеренном варианте, говорящем о словацко-моравском дуализме²⁸, так и в радикальном, провозглашающем, что все жители (ядра) Великой Моравии были (древними) словаками²⁹. Главным изъяном этого «течения» в словацкой историографии является, разумеется, то, что источники IX века (как и гораздо более поздние) просто не делают различия между словаками и славянами. Эта возможность есть только у современных историков, причем можно спорить о том, насколько такое внешнее различие является научным и вообще необходимым.

Для чешского национализма наследие Моймировичей не является особо важным, тем не менее Моравия Моймировичей является объектом большого внимания со стороны чешской исторической науки. Логично, что самый большой интерес эта тема вызывает в моравской части Чешской республики. Если для значительной части словацкой историографии Великая Моравия представляет собой (первое?) государство словацкого народа, то чешская историография (историография чешских земель) занимала в этом вопросе весьма своеобразную позицию. Как уже говорилось, Б. Дудик в целом принял основные положения концепции Палацкого. Ситуацию, тем не менее, значительно усложнило «открытие» названия «словене» (*Slovieni*), что связано со статьей чешского филолога Йиржи Поливки, опубликованной еще в 1883 г.³⁰ С этого времени начинается использование нового обозначения не только для языка, на котором говорили жители Моравии в IX в., но и по отношению к самому моравскому населению. Термин «словене» стал, таким образом, неким культурным обозначением, тогда как термин «мораване», который встречается в латинских и славянских письменных источниках, стал использоваться как обозначение лишь высшего слоя общества или дружины³¹. Лишь в последние десятилетия наблюдается постепенный отказ исследователей от употребления термина «*Slovieni*» как избыточного неологизма.

В то время как для части словацкой историографии Великая Моравия представляла собой государство средневековых словаков (либо совместное государство словаков и мораван), для части чешской историографии Великая Моравия была государством мораван.

При этом, подобно тому как защитники «словацкого характера» Великой Моравии должны были «решать» вопрос, было ли это «словацкое государство» также и государством мораван, чешские авторы также обращались к аналогичной проблеме. Проблема эта становилась особенно заметной, когда обсуждался вопрос об образовании «Великой Моравии» путем объединения Моравии и Нитранской земли. Ведь изгнание Прибины Моймиром можно было интерпретировать не только как экспансию мораван против «словаков», но и как внутренние распри в рамках единой моравской общности.

²⁸ *Kučera M. Král Svätopluk (830? – 846 – 894)*. Martin, 2010. S. 96.

²⁹ Такого мнения придерживается, например М. Дюрица: *Ďurica M. Dejiny Slovenska a Slovákov v časovej následnosti faktov dvoch tisícročí*. 3. opr. a dopl. vyd. Bratislava, 2003. S. 25–47; см. также работу А. Грнко, по мнению которого «моравские словаки» были позднее ассимилированы чехами: *Hrnko A. Sine ira et studio // Etnogenéza Slovákov*. S. 164–167.

³⁰ *Polívka J. Kterým jazykem psány jsou nejstarší památky církevního jazyka slovanského starobulharsky či staroslovensky? // Slovanský sborník*. 1883. Roč. 2. Č. 10–11. S. 481–488, 545–554.

³¹ См. ниже примеч. 39. Данную позицию разделяли, конечно, не все авторы. Например, Й. Поулик связывал мораван в собственном смысле слова с территорией Моравии, в то время как «словене», по его мнению, должны были жить в Словакии (*Poulik J. Staří Moravané budují svůj stát*. S. 163–164).

В последнем случае Прибина мог бы считаться моравянином или даже представителем рода Моймировичей³².

Обсуждение сложного вопроса, каково было количество «*gentes*», составивших ядро «Великой Моравии», выходит за рамки настоящей статьи. Ограничимся поэтому лишь указанием на то, что письменные источники говорят нам только об одной «*gens*», что позволяет думать, что жители Нитранского княжества приняли моравскую идентичность, хотя изначально, по-видимому, относились к другой «*gens*», название которой не удержалось в имеющихся источниках³³. Помимо этого, необходимо отвергнуть «древнесловацкую», «чехославянскую» (или «чехословакистскую») версии моравской этничности, равно как и отказаться от концепции о существовании некой совокупности «моравских племен». Существование этих «племен», заполонивших работы историков и археологов, совершенно не подтверждается известиями письменных источников.

В настоящее время большинство исследователей, занимающихся вопросами этногенеза, отталкиваются в своих разработках от основополагающего в данной области исследования Райнхарда Венкуса «*Stammesbildung und Verfassung*», опубликованного в 1961 г. Согласно Венкусу, племя конституировал не некий набор объективных признаков, а миф об общем происхождении, который отнюдь не соответствовал реальному происхождению членов гетерогенной племенной общности³⁴. Среди чехословацких авторов на исследование Венкуса обратили внимание Франтишек Граус³⁵, а затем Любомир Гавлик³⁶. Однако, несмотря на это, в чехословацкой науке по-прежнему превалировала эволюционистская точка зрения тогдашней марксистской историографии, основаниями которой были тезис об объединении меньших единиц в более крупные (так называемая «надплеменная организация», идею которой восприняли и многие авторы, употреблявшие для IX столетия термин «древние словаки») и понятие «феодальной народности»³⁷, приведшее к возникновению концепта «великоморавская народность»³⁸, в рамках которого моравяне представляли лишь верхнюю часть социума³⁹.

Такое представление, однако, находилось в разительном контрасте с информацией «Повести временных лет». Несмотря на то, что это более поздний источник,

³² *Dittrich Z. R. Christianity in Great-Moravia. Groningen, 1962. S. 67–68; Havlík L. E. Morava v 9. a 10. století. K problematice politického postavení, sociální a vládní struktury a organizace. Praha, 1978. S. 88; Třeštík D. Počátky Přemyslovců. Vstup Čechů do dějin (530–935). Praha, 1997. S. 271. Более осторожно об этом Д. Тржештик высказывался в книге: Třeštík D. Vznik Velké Moravy. Moravané, Čechové a střední Evropa v letech 791–871. Praha, 2001. S. 107–135.*

³³ Подробнее см.: *Lysý M. Moravia, Mojmirovci a Franská říša... S. 82–107.*

³⁴ *Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln, 1961. S. 14–17.*

³⁵ *Graus F. Die Entstehung der mittelalterlichen Staaten in Mitteleuropa // Historica. 1965. Roč. 10. S. 14–15.*

³⁶ *Havlík L. E. Gens Maravorum (Poznámky k vývoji gentes u Slovanů) // Strážnice 1946–1966. Národopisné studie. Brno, 1966. S. 98.*

³⁷ В словацкой литературе, прежде всего, в трудах П. Раткоша: *Ratkoš P. K diskusi o vznikaní národnosti na našom území // HČ. 1963. Roč. 11. S. 268; Varsik B. O vzniku a rozvoji slovenskej národnosti v stredoveku // HČ. 1984. Roč. 32. S. 529.*

³⁸ *Ratkoš P. K diskusi o vznikaní národnosti na našom území. S. 268–269; Kučera M. O historickom vedomí Slovákov v stredoveku // HČ. 1977. Roč. 25. Č. 2. S. 217. — С другой стороны, концепцию «великоморавской народности» отвергал Ф. Граус: *Graus F. Říše velkomoravská, její postavení v současné Evropě a vnitřní struktura // Konferencia o Veľkej Morave a Byzantskej misii. Brno – Nitra, 1.–4. X. 1963 (referáty). Nitra, 1963. S. 12–13.**

³⁹ *Ratkoš P. Slovensko v dobe veľkomoravskej. Košice, 1990. S. 84; Dejiny Slovenska. D. I. S. 132, 138.*

возникший к тому же вдалеке от Моравии, в его связях с западнославянским культурным пространством не приходится сомневаться. В этом источнике мораване оказываются на первом месте в славянском мифе о расселении славян с Дуная — вместе с чехами, «белыми хорватами», сербами, хорутанами, ляхами, полянами и другими славянскими этническими общностями⁴⁰. Принимая во внимание это обстоятельство, следовало бы оставить как рассуждения об особом социальном статусе мораван в рамках «словенского народа Великой Моравии», так и «древнесловацкую» версию этнической принадлежности населения, находившегося под властью Моймировичей.

Поэтому в конечном итоге нам остается провести сортировку и осуществить анализ значения приблизительно полусотни упоминаний о мораванах в письменных источниках IX – начала X в., разумеется, с учетом различной степени их достоверности. Для большей ясности их можно разделить на несколько групп, основываясь на том, какой общий смысл вкладывался в термин «мораване».

В IX в. и впоследствии еще довольно долгое время не существовало официального понятия государства в том виде, в каком его сформировала дипломатическая практика королевских канцелярий высокого Средневековья. Так, если в XIII в. в венгерских документах королевской канцелярии уже использовался термин «*Regnum Hungariae*», то в XI столетии венгерские монархи назывались еще королями «паннонцев» (*Pannoniorum*) или «угров» (*Vngroorum*)⁴¹. Таким образом название титула происходило не от названия страны, а от названия населения. Аналогично и в IX в. названия политических единиц образовывались от названия жителей. Это было доминирующей практикой в латинских письменных источниках⁴². Она становится еще более заметной,

⁴⁰ См. примеч. 3.

⁴¹ Подробнее см.: Лысый М. 1) «*Cuiuscumque nationis homines, Saxones videlicet, Hungarii, Sclavi seu alii*». *Odras etnicity v normách a úradných dokumentoch stredovekého Uhorska* // *НС*. 2013. Roč. 61. Č. 3. S. 421–436; 2) «*Cuiuscumque nationis homines, Saxones videlicet, Hungarii, Sclavi seu alii*». *Ethnicity reflected in the rules of law and official documents of medieval Hungary* // *НС*. 2014. Roč. 62. Supplement. S. 41–57.

⁴² «...*regnum Margorum...*» (*Annales Xantenses ad a. 872: Annales Xantenses* / Ed. B. de Simon. Hannoverae; Lipsiae, 1909. P. 30–31). «*Berehtammus, qui superiore anno in Marahensibus Sclavis fuerat comprehensus...*» (*Annales Fuldenses ad a. 873: Annales Fuldenses* / Ed. F. Kurze. Hannoverae, 1891. P. 78). «*Igitur cum duo fratres, Willihalmus et Engilschalchus, terminum regni Baiowariorum in oriente a rege, id est seniore Hludowico, concessum contra Maravanos tenuerunt...*» (*Annales Fuldenses ad a. 884: Ibid.* P. 110); «*terra Maravorum intravere...*» (*Annales Fuldenses ad a. 892: Ibid.* P. 121); «*Engilschalchus iuvenili audacia vir, qui post rapta de concubina regis filia ad tempus se Maravos exul contulit...*» (*Annales Fuldenses ad a. 893, s. 122*). «*Frater quoque eius cum Maravanis exul delatiscens insidioso consilio ducis cum aliis quam plurimis interfectus est*» (*Annales Fuldenses ad a. 893: Ibid.* P. 122). «*finis Marahabitarum*» (*Annales Fuldenses ad a. 899: Ibid.* P. 132); «*terminos Maraborum*» (*Annales Fuldenses ad a. 899: Ibid.* P. 133); «*regnum Marahavorum*» (*Annales Fuldenses ad a. 900: Ibid.* P. 134); «*advenientibus ibidem ad eum Maravorum missis...*» (*Annales Fuldenses ad a. 897: Ibid.* P. 130); «*Marahensium ac Vullgarum fines*» (*Reginonis abbatis Prumiensis ad a. 889: Reginonis abbatis Prumiensis chronicon cum continuatione Treverensi* / Ed. F. Kurze. Hannoverae, 1890. P. 132); «*Regnum Marahensium*» (*Reginonis abbatis Prumiensis chronicon ad a. 890; Ibid.* P. 134); «*Marharii habent civitates XI. (...) Est populus, quem vocant Merehanos, ipsi habent civitates XXX*» (*Descriptio civitatum et regionum ad septentrionalem plagam Danubii* // *MMFH*. Vol. III. S. 287); «*ad Mareuinos terminos...*» (*MMFH* Vol. III. *Diplomata*. Nr. 61. P. 94); «*regionemque Auarorum atque Marahorum...*» (*MMFH*. Vol. III. *Epistolae*. Nr. 129. P. 270–271); «*de Marauorum regno*» (*Reginonis abbatis Prumiensis MMFH*. Vol. III. *Diplomata*. Nr. 44. P. 76); «*Albigis, qui uxorem Patrichi publice auferens ad extremos fines regni duxit in rudem adhuc christianitatem gentis Maraensium...*» (*Decreta synodi Moguntiensis 11* // *MMFH*. Vol. III. P. 34).

если обратиться к итогам разделения Франкской державы (или Восточно-Франкского королевства), когда дележу подлежали не только непосредственная территория королевства, но и земли, на которые королевство претендовало. Так, на основании «*Ordinatio imperii*» 817 г. к Людовику II (Немецкому) переходили Бавария и далее карantanцы, чехи, авары и славяне, проживавшие к востоку от Баварии⁴³. Верденский раздел империи в 843 г. в отношении восточных территорий был менее конкретным и отнес их к категории «различных варварских народов»⁴⁴. В 876 г. земля мораван была прямо упомянута при описании разделения империи, причем обозначена как «*regnum Marahensium*»⁴⁵. Примечательно во всем этом то, что Бавария обозначалась как территориальная единица, в то время как земли «восточных варваров» обозначались через их население.

В соответствии с этим одним из значений термина «мораване» во франкских источниках было обозначение занимаемой ими территории. На тот факт, что речь при этом необязательно шла только о земле моравских властей, указывает название «торжище мораван» (*mercatum Marahorum*)⁴⁶. В этой связи будет, наверное, интересно заметить, что менее многочисленные славянские источники обычно использовали в подобных случаях такие выражения как «страны моравскы»⁴⁷, «моравска область»⁴⁸ или «моравскаа земля»⁴⁹.

В дальнейшем определение «мораване» очень часто используется при обозначении моравских правителей начиная от Моймира I (до 846 г.) и заканчивая Моймиром II (894–906? гг.)⁵⁰. При этом стоит заметить, что в славянских источниках используется только обозначение «моравский князь», но не «князь мораван»⁵¹. Подобно тому, как это обстояло с обозначением правителей, в латинских источниках

⁴³ «Item Hludowicus volumus ut habeat Baioariam et Carentanos et Beheimos et Avaros atque Sclavos qui ab orientali parte Baioariae sunt...» (MGH. Legum sectio II. Capitularia regum Francorum. T. I / Ed. A. Boretius. Hannoverae, 1883. Nr. 136. P. 271).

⁴⁴ «gloriosissimus Ludovicus rex, suscepit totam Germaniam, id est totam orientalem Franciam, Alamanniam sive Rhaetiam, Noricum, Saxoniam, et barbaras nationes quam plurimas» (Erchanberti Breviarum regum Francorum // MGH. Poetae latini aevi Carolini. T. II / Ed. E. Dümmler. Berolini, 1884. P. 329).

⁴⁵ «Post haec convenerunt tres supradicti fratres in loco, qui dicitur Sualifelt, et ibi dividerunt paternum regnum. Carlomannus sortitus est Baioariam, Pannoniam et Carnutum quod corrupte Carantanum dicitur, nec non et regna Sclavorum, Behemensium et Marahensium; Ludovicus orientalem Franciam, Turingiam, Saxoniam, Fresiam et partem regni Lotharii: porro Carolo Alamannia in partem cessit et aliquae civitates ex regno Lotharii» (Reginonis abbatis Prumiensis chronicon cum continuatione Treverensi. P. 112).

⁴⁶ «Si autem transire voluerint ad mercatum Marahorum, iuxta estimationem mercationis tunc temporis exsolvat solidum I de navi et licenter transeat; revertendo autem nichil cogantur exsolvere legitimum» (Inquisitio de thelonis, c. 8 // MMFH. Vol. IV. P. 119).

⁴⁷ Похвальное слово Кириллу и Мефодию (MMFH. Vol. II. P. 173).

⁴⁸ Житие Мефодия, глава 10 (MMFH. Vol. II. P. 154).

⁴⁹ Проложное житие Константина и Мефодия (MMFH. Vol. II. P. 166); Житие Наума (MMFH. Vol. II. P. 178); Закон судный людем, главы 4, 21, 26, 28 (MMFH. Vol. IV. P. 181, 191, 193–194).

⁵⁰ Annales Xantenses ad a. 871 (Annales Xantenses. P. 30); Annales Fuldenses ad aa. 863, 884, 894 (Annales Fuldenses. P. 56, 111, 125); Reginonis abbatis Prumiensis chronicon ad a. 894 (Reginonis abbatis Prumiensis chronicon cum continuatione Treverensi. P. 143); Conversio Bagoariorum et Carantanorum. Das Weissbuch der Salzburger Kirche über die erfolgreiche Mission in Karantanien und Pannonien / Hrsg. von H. Wolfram. Ljubljana; Klagenfurt, 2012. S. 72.

⁵¹ Житие Константина, глава 14: «Ростиславъ бо, моравскыи князь...» (MMFH. Vol. II. P. 98).

использовались обороты «*nuntii Maravorum*»⁵², «*legati Marvanorum*»⁵³ или «*missi Marahavorum*»⁵⁴. Эти выражения использовались для обозначения лиц, выступавших от имени мораван (но не от имени их правителей). Это указывает на то, что мораван могли представлять не только правители из рода Моймировичей, но и другие лица. Стоит учесть и то, что обозначение «князь мораван» могло указывать не только на политическую единицу, во главе которой находился данный правитель, но и на его этническое происхождение⁵⁵.

Хотя обращение мораван в христианство не описано ни в одном современном этому событию источнике, это событие, в соответствии с информацией позднейших Больших Зальцбургских анналов, может быть датировано 831 г. В данном источнике мораване представлены как объект христианизаторской акции баварского епископа Регинхара⁵⁶. Источники моравского происхождения об этой традиции, естественно, умалчивают, так как в противном случае они были бы вынуждены признать нежелательные для них претензии франков, причем не только в области церковного управления⁵⁷. Более того, в славянских источниках мораване предстают теми, кто «потребовал епископа»⁵⁸ или научился «славить Бога»⁵⁹.

Во всех приведенных нами примерах мораване выступают в пассивной роли общества, населяющего определенную территорию. Это общество либо возглавляет правитель, либо кто-то его представляет. Однако письменные источники показывают нам мораван и в активной роли, приписывая им политическую деятельность. Так и Ксантенские⁶⁰, и Фульдские анналы⁶¹ сообщают о мораванах, которые «восстали» (*Margos rebelles*) или «желали отделиться» (*Sclavos Margenses defectionem molientes*).

⁵² *Annales Fuldenses ad a. 882: «nuntiis Maravorum aliarumque gentium»* (*Annales Fuldenses*. P. 109).

⁵³ См. примеч. 2.

⁵⁴ *Annales Fuldenses ad a. 901: «missi Marahavorum pacem optantes»* (*Annales Fuldenses*. P. 153).

⁵⁵ Это ясно видно из сообщения Фульдских анналов под 898 г.: «*Postea vero anno incarnationis Domini DCCCXCVIII. inter duos fratres gentis Marahensium, Moymirum videlicet ac Zentobolchum, eorumque populum dissensio atque discordia gravissima exorta est...*» (*Annales Fuldenses*. P. 131–132).

⁵⁶ «*Reinharius archiepiscopus Laureacensis et Pataviensis apostolus Maravorum obiit*» (*Historia episcoporum Pataviensium et ducum Bavariae ad a. 838* // MGH. *Scriptorum* 25 / Ed. G. Waitz. Hannoverae, 1880. P. 620); «*Regenharius episcopus Matavorum baptizat omnes Moravos*» (*Notae de episcopis Pataviensis* // MGH. *Scriptorum* 25. P. 623); «*Item Renharius episcopus baptizat omnes Moravos*» (*Bernardi Cremifanensis historiae ad aa. 818–838* // MGH. *Scriptorum* 25. P. 655).

⁵⁷ *Steinhübel J. Moravia, Chorváti a Bulhari v plánoch pápežskej kúrie (860–880)* // *Bratia, ktorí menili svet — Konštantín a Metod: Príspevky z konferencie* / Red. B. Panis, M. Ruttkay, V. Turčan. Bratislava, 2012. S. 157–174; о последствиях крещения для политических связей между Каролингами и Моймировичами см. ниже примеч. 62.

⁵⁸ Проложное житие Мефодия: «*Просахоу же словени крщениа, а козарии оучителя а моравлане епископа, а болгарѣ оучителя же и наставника*» (ММФН. Vol. II. P. 243).

⁵⁹ Служба Кириллу: «*Кыриле, славне оучителю добротѣ, наоучи моравлѣни своими б(о)г)а благодарити...*» (ММФН. Vol. II. P. 328).

⁶⁰ *Annales Xantenses ad a. 864: «Ludewicus vero totum pene annum morabatur in Bewaria, caute agens contra Margos rebelles, sed et contra filium»* (*Annales Xantenses*. P. 21); *Annales Xantenses ad a. 870: «Ludewicus rex orientalis, missis duobus filiis suis Karlomanno et Karlo contra Margos diu resistentes sibi, Rasticium regem eorum fugaverunt et patriam vastaverunt atque cum multis spoliis reversi sunt»* (*Annales Xantenses*. P. 28).

⁶¹ *Annales Fuldenses ad a. 846: «...circa medium mensem Augustum cum exercitu ad Sclavos Margenses defectionem molientes profectus est. Ubi ordinatis et iuxta libitum suum compositis rebus ducem eis constituit Rastizen nepotem Moimari; inde per Boemanos cum magna difficultate et grandi damno exercitus sui re versus est»* (*Annales Fuldenses*. P. 36).

Последняя фраза из Фульдских анналов в особенности дает нам основания приписать мораванам некие усилия, направленные на отделение от Франкского королевства⁶². Эти «раз и навсегда» заключенные договоры стали основой франкско-моравских взаимоотношений, выйти из которых можно было только путем трансформации Моравии в политическое образование, подобное самому Франкскому королевству. Тем не менее, такая трансформация не означала создания управленческих и властных механизмов, аналогичных франкским. Скорее это была попытка получить аналогичный политический статус, создавая систему взаимоотношений с соседями наподобие той, которая была выстроена у франков в отношении славян⁶³.

Впрочем, в некоторых случаях используемые во франкских анналах выражения, относящиеся к деятельности мораван, скорее всего, являлись результатом стилистических упрощений. Например, в одном месте говорится о подготовке мораван к свадьбе⁶⁴, а в другом — о том, что мораване хвастались тем, что отделились от франков⁶⁵. В других случаях, напротив, деятельность мораван можно однозначно интерпретировать как принятие решений в институциональной форме, то есть на «народном собрании». Как в действительности именовалось такое «народное собрание» — остается неизвестным. Термин «вече», часто используемый по отношению к данному институту в польской историографии⁶⁶, по-видимому, все же нельзя считать общеупотребительным⁶⁷, спорным является и термин «събрь»⁶⁸. Вполне вероятно, что название данного института — если таковое и было — не было устойчивым.

При рассмотрении деятельности этих собраний, прежде всего, возникают вопросы их репрезентативности, периодичности и механизма созыва. Обращает на себя внимание то, что при упоминании такого рода собраний мораван в источниках подчеркивается их «полнота» («*всѣа люди моравскыѣ*»), («*съ вьсьми моравлѣны*»), («*omnes Marahoni*», «*omnes Moravi*»). Определение «все» не стоит воспринимать дословно, потому как речь определенно идет о том, чтобы подчеркнуть легитимность и репрезентативность таких собраний⁶⁹ и тем самым легитимность принятых на них решений. Хотя мы можем оправданно усомниться в том, что в таких собраниях, действительно, принимали участие «все» мораване, речь определенно шла об участии в них большого количества людей.

Проведение таких собраний должно было соответствовать возможностям тех времен, которые были ограничены поверхностным и неполным знанием христианского календаря. Христианский календарь, в отличие от календарной системы

⁶² См. анализ выражения «*Sclavos Margenses defectionem molientes*»: *Lysý M.* 1) *Mojmírovská Morava na hraniciach s impériom // Forum historiae.* 2014. Roč. 8. Č. 2. S. 103–109; 2) *Moravia, Mojmirovci a Franská ríša... S. 171–183.*

⁶³ Вот почему чехи могли ощущать себя «угнетенными» мораванами, как о том под 897 г. сообщают Фульдские анналы (*Annales Fuldenses.* P. 131).

⁶⁴ Под 871 г. Фульдские анналы сообщают, что мораване «приготовливали» свадьбу (*Annales Fuldenses.* P. 73).

⁶⁵ *MMFH.* Vol. III. Nr. 126. P. 263.

⁶⁶ Особенно отметим исследование Х. Ловмянского: *Lowmiański H.* *Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n. e.* T. IV. Warszawa, 1970. S. 73–108.

⁶⁷ *Mesiarkin A.* *Vývoj inštitúcie «veče» v slovanských spoločenských 6.–14. storočia.* Bakalárska práca. Univerzita Komenského v Bratislave. Právnická fakulta. Bratislava, 2015.

⁶⁸ *Havlík L. E.* *Morava v 9. a 10. století.* S. 67.

⁶⁹ Использование выражения «все чехи» в условиях XI–XII вв. проанализировал Й. Жемличка: *Žemlička J.* *Čechy v době knížecí (1034–1198).* Praha, 1997. S. 343–347.

дохристианских славянских общностей, различал помимо месяцев еще и недели, которые, скорее всего, еще не успели прижиться среди широких масс моравского населения. Поэтому ярмарки, а также суды и собрания проходили, очевидно, с периодичностью раз в месяц⁷⁰, причем о ежемесячно проводимой ярмарке, в отличие от собраний сейма, у нас есть прямое известие арабского источника⁷¹. Технически «созывы» ярмарки и сейма были, по-видимому, единым мероприятием, в рамках которого могли быть объединены не только обмен товарами и решение «общественных вопросов», но и — в дохристианскую эпоху — отправление племенного культа⁷². Примечательно в связи с этим, что религиозные вопросы, судя по всему, решались на собрании мораван и после принятия христианства: стоит обратить внимание, что, согласно Житию Мефодия, мораване сообща обсуждали интриги баварского духовенства против Мефодия и отправляли послание папе римскому⁷³.

Многочисленность собрания, на котором масса людей превращалась в общество, придавала легитимность всем решениям и делала их обязательными для всех. В этом смысле данные постановления, действительно, были постановлениями «всех мораван». В этом же духе информируют нас о моравских событиях западные источники, когда сообщают о том, что были крещены «все мораване»⁷⁴, или о том, что «все мораване» обязались платить дань⁷⁵. Аналогичные сведения о мораванах сообщают и моравские агиографические источники. Так, согласно Житию Мефодия, Святополк принял Мефодия «со всеми мораванами», чтобы передать ему храмы во всех градах⁷⁶. Князь Ростислав совещался со своими князьями и мораванами по вопросу приглашения византийской миссии⁷⁷. Легитимность решения «всех мораван», скорее всего, рождалась благодаря достигнутому консенсусу и единогласному принятию решения: такой механизм позднее карикатурно изобразил Титмар Мерзебургский в своем знаменитом описании народного собрания у лютичей⁷⁸.

Именно место проведения ярмарок и народных собраний и было «центром» страны. Оно не обязательно являлось центром географическим, но при этом оно все

⁷⁰ *Třeštík D.* «Trh Moravanů» — ústřední trh staré Moravy // *ČČH*. 1973. Roč. 21. S. 885.

⁷¹ *Kitābu l-a'lāki n-nāfisati li-bni Rusta* // *MMFH*. Vol. III. S. 347.

⁷² *Banaszkiewicz J.* Pons mercati, gradus lignei, stepen i inne. Uvagi o znaku władzy i prawa słowiańskich miejsc wiewowych // *Annales Universitates Mariae Curie-Skłodowska*, Lublin — Polonia. Sectio F. 1990. Roč. 45. S. 80.

⁷³ Житие Мефодия, глава 10: «Приключи же сѧ тѣгда, моравлане очюущѣе нѣмьчьскыиа попты, иже живаахоу въ нихъ, не прииюще имь, нъ ковь коующе на на, изгънаша всьса, а къ апостоликоу послаша...» (*MMFH*. Vol. II. S. 153).

⁷⁴ См. примеч. 56.

⁷⁵ «...omnes Marahoni insimul mandauerunt <pecora> in seruitium sicut proprii serui facere debuerunt...» (*Schwarzmayr*. Ein Brief des Markgrafen Aribro an König Arnulf. S. 57).

⁷⁶ Житие Мефодия, глава 10: «И приимъ и с(ва)топѣлкъ князь съ всѣми моравланты и пороучи ѣмоу всьа цр(ь)к(ь)ви и стрижьникы въ всѣхъ градѣхъ» (*MMFH*. Vol. II. S. 154).

⁷⁷ Житие Константина, глава 14: «Ростиславъ бо, моравскыи князь, богом оустимъ, съвѣтъ сътвори съ князи своими и с Моравланы...» (*MMFH*. Vol. II. S. 98).

⁷⁸ *Thietmari Merseburgensis episcopi chronicon* VI 25 (18): «Unanimi consilio ad placitum suimet necessaria discucientes, in rebus efficiendis omnes concordant. Si quis vero ex comprovincialibus in placito hiis contradicit, fustibus verberatur et, si forinsecus palam resistit, aut omnia incendio et continua depredatione perdit aut in eorum presentia pro qualitate sua pecuniae persolvit quantitatem debitae» (*MGH*. *Scriptores rerum Germanicarum*. Nova series. T. IX / Ed. R. Holtzmann. Berolini, 1935. S. 304). См. анализ данного сообщения и оценку его достоверности: *Modzelewski K.* *Barbarzyńska Europa*. Warszawa, 2004. S. 358–359.

равно являлось «идеальным» центром⁷⁹, где было место для встреч, торговли, переговоров, судов, а также контактов между населением, второстепенными князьями и верховным правителем. Именно на этом месте масса людей, которые стекались сюда со всех краев Моравии, в том числе, видимо, и с территории присоединенного Нитранского княжества, превращалась во «всех мораван».

Интересно, что уже после падения державы Моймировичей, в эпоху Пржемысловичей, мы снова встречаем обозначение «все мораване» на страницах источников⁸⁰. Правда, связь этих мораван с мораванами IX столетия является спорной. Означало ли падение «Великой Моравии», произошедшее вскоре после 906 г., и исчезновение самого моравского этноса⁸¹? Если считать основополагающим для существования этноса наличие широко распространенной идентичности, которая требовала для своего поддержания и развития наличия центра, сохраняющего ее традиции, то в преемственности между мораванами эпохи Моймировичей и мораванами эпохи Пржемысловичей можно усомниться.

Перевод со словацкого языка Р. Загоры; под редакцией Д. Е. Алимова

Данные о статье

Автор: Лысый, Мирослав — Университет имени Я. А. Коменского, Братислава, Словакия, доктор истории, miroslav.lysy@flaw.uniba.sk

Заголовок: «Omnes Marahoni insimul mandaverunt». Мораване как этнос и политическая единица
Резюме: В статье рассматривается значение понятия «мораване», используемого в источниках IX столетия. Краткий обзор существующих к настоящему времени исследований данной темы обнаруживает существование различных интерпретаций происхождения мораван и базовых оснований моравского общества. Некоторые из этих интерпретаций восходят еще к эпохе Средневековья, другие отражают современные концепции этногенеза, существующие в социальных науках. В стороне от них лежит использование термина «мораване» в средневековых славянских и латинских источниках, где данный термин обозначал как этническую общность, так и политическую единицу. Из анализа этих источников следует, что термин «мораване» использовался в значении воинской группы, объекта христианизации, а также имел географический смысл и/или использовался для обозначения этнической принадлежности знати. Вместе с тем, термин «мораване» использовался также при описании собраний народа. В этом случае использовалось специальное словосочетание «все мораване». Данное выражение было известно и в более поздний период власти Пржемысловичей. При этом, однако, нет оснований говорить об этническом континуитете между Моравией IX столетия и Моравией периода после 1029 г.

Ключевые слова: Моравия, мораване, этничность, gens, regnum

Information about the article

Author: Lysý, Miroslav — Komenský University, Bratislava, Slovakia, Ph. D. in History, miroslav.lysy@flaw.uniba.sk

Title: «Omnes Marahoni insimul mandaverunt». The Moravians as an ethnos and political entity.

Summary: The paper deals with the meaning of the term «Moravians» used in written sources of the 9th century. Short research review reveals various interpretations of the origin and fundamentals of the Moravian society. Some of them have their roots in the medieval period, others reflect contemporary conceptions of ethnogenesis present in modern social sciences. Aside from it is the use of the term «Moravians» in medieval Slavic and Latin sources, where the term denotes both an ethnic community and a political unit. From the analysis of these sources follows that the term «Moravians» was used in the sense of a military unit, an

⁷⁹ *Steinhübel J.* Slovanský «gens» a jeho stred. Kniežací hrad, pohanská svätyňa, snem a trh // *Byzantinoslovaca*. 2014. Roč. 5 (Zborník k životnému jubileu Tatiany Štefanovičovej). S. 142–159.

⁸⁰ См. об этом: *Žemlička J.* «Moravané» v časnej stredoveku // *ČČH*. 1992. Roč. 90. Č. 1. S. 17–32.

⁸¹ Так полагал Д. Тржештик: *Tržestík D.* Miesto Velké Moravy v dejinách // *ČČH*. 1999. Roč. 97. Č. 4. S. 696.

object of Christianization, and also had a geographical aspect and/or used to denote the ethnic affiliation of Slavic elites. However, the term «Moravians» was also relevant when referring to people assemblies. In this case a special expression «all the Moravians» was used. This expression was also known in later period when Moravia was under the Přemyslid rule. Despite this fact, there is no reason to assume ethnical continuity between Moravia of the 9th century and that from the period after 1029.

Keywords: Moravia, Moravians, ethnicity, gens, regnum

References

- Banaszkiewicz, Jacek. Pons mercati, gradus lignei, stepen i inne. Uvagi o znaku władzy i prawa słowiańskich miejsc wiewocowych [Pons mercati, gradus lignei, stepen and others. Notes on a sign of power and the right of Slavic gathering places], in *Annales Universitates Mariae Curie-Skłodowska, Lublin – Polonia, Sectio F.* 1990. No. 45 (=Discernere vera ac falsa). P. 79–89 (in Polish).
- Bartek, Henrich. Slováci a ríša kráľa Sama [The Slovaks and the Empire of the king Samo], in Marsina, Richard; Mulík, Peter (eds). *Etnogenéza Slovákov. Kto sme a aké je naše meno [Ethnogenesis of the Slovaks. Who we are and what is our name]*. Bratislava: Matica Slovenská Publ., 2009. P. 128–137 (in Slovak).
- Bretholz, Bertold. *Geschichte Böhmens und Mährens. Erster Band. Das Vorwalten des Deutschthums. Bis 1419 [History of Bohemia and Moravia. The first volume. The predominance of the Germans]*. Reichenberg: Paul Sollors Nachs. Publ., 1921. 237 p. (in German).
- Butvin, Jozef. Veľkomoravská a cyrilometodská tradícia v slovenskom národnom obrodení [The Great-Moravian and cyrillo-methodian tradition in the slovak national revival], in *Historické štúdie*. 1971. No. 16. P. 131–150 (in Slovak).
- Cambel, Samuel (ed.). *Dejiny Slovenska I [History of Slovakia I]*. Bratislava: Veda Publ., 1986. 534 p. (in Slovak).
- Curta, Florin. *The making of the Slavs: History and archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2001. 463 p.
- Dittrich, Zdeněk R. *Christianity in Great-Moravia*. Groningen: J. B. Wolters Publ., 1962. 316 p.
- Dudík, Beda. *Dějiny Moravy. Díl I. Od nejstarších dob až do r. 906 [History of Moravia. Band I. Since the earliest periods until 906]*. V Praze: Nákladem B. Tempského Publ., 1871. 274 p. (in Czech).
- Đurica, Milan S. *Dejiny Slovenska a Slovákov v časovej následnosti faktov dvoch tisícročí [History of Slovakia and the Slovaks in the chronological sequentiality of facts within two millenniums]*. Bratislava: Lúč Publ., 2003. 840 p. (in Slovak).
- Dvořák, Rudolf. *Vlastivěda Moravská. I. Země a lid. Dějiny Moravy. Kniha první: Od nejstarších dob až po vymření Přemyslovců (–1306) [Study of the Moravian land I. Land and people. History of Moravia. The first book. Since the earliest periods until the extinction of the Přemyslides]*. V Brně: Nákladem Musejního spolku Publ., 1899. 370 p. (in Czech).
- Eggers, Martin. *Das «Gross-mährische Reich». Realität oder Fiktion? Eine Neuinterpretation der Quellen zur Geschichte des mittleren Donauraumes im 9. Jahrhundert [The «Great-Moravian Empire». Reality or fiction? Historical sources of the medium Danube-land in the 9th century newly interpreted]*. Stuttgart: Anton Hiersemann Publ., 1995. 525 p. (in German).
- Eliade, Mircea. *Dejiny náboženských predstáv a ideí III. Od Muhammada po reformy [History of religious ideas, vol. III. Since Muhammad until reforms]*. Bratislava: Agora Publ., 1997. 398 p. (in Slovak).
- Graus, František. Die Entstehung der mittelalterlichen Staaten in Mitteleuropa [The origin of the medieval states in Central Europe], in *Historica*. 1965. No. 10. P. 5–65 (in German).
- Graus, František. *Die Nationenbildung der Westslawen im Mittelalter [The building of the medieval western slavic nations]*. Sigmaringen: Thornbecke Publ., 1980. 260 p. (in German).
- Graus, František. Ríše veľkomoravská, její postavení v současné Evropě a vnitřní struktura [The Great Moravian empire, its place in contemporary Europe and the inner structure], in *Konferencia o Veľkej Morave a Byzantskej misii. Brno – Nitra 1.–4. X. 1963 [Conference on Great Moravia and the Byzantine mission. Brno – Nitra 1st–4th of October 1963]*. Nitra: Archeologický ústav Slovenskej akadémie vied v Nitre Publ., 1963. P. 5–76 (in Czech).
- Havlík, Lubomír E. *Dukljanská kronika a Dalmatská legenda [The Chronicle of Duklja and the Legend of Dalmatia]*. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd Publ., 1976. 92 p. (in Czech).
- Havlík, Lubomír E. *Morava v 9. a 10. století. K problematice politického postavení, sociální a vládní struktury a organizace [Moravia in the 9th and the 10th century. To problem of the political status, social and governmental structure and organisation]*. Praha: Academia Publ., 1978. 158 p. (in Czech).

Havlík, Lubomír E. *Slovanské státní útvary raného středověku. Politické postavení, společenská a vládní organizace státních útvarů ve východní, střední a jihovýchodní Evropě od 8. do 11. století* [The early medieval Slavic state units. Political status, social and governmental organisation of the state units in the eastern, central and south-eastern Europe since the 8th until the 11th century]. Praha: Academia Publ., 1987. 250 p. (in Czech).

Havlík, Lubomír. Gens Maravorum (Poznámky k vývoji gentes u Slovanů) [Gens Maravorum (Notes to the development of the Slavic gentes)], in *Strážnice 1946–1966. Národopisné studie* [Strážnice 1946–1966. Ethnographical studies]. Brno: Blok Publ., 1966. P. 97–152 (in Czech).

Hellmann, Manfred. Grundzüge der Verfassungsstrukturen der Liutizen [Basic features of the constitutional structures of the Luticians], in Herbert Ludat (ed.). *Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder* [Settlement and constitution of the Slavs between the Elbe, the Saale and the Oder]. Giesen: Wilhelm Schmitz Verlag, 1960. P. 103–113 (in German).

Herrmann, Joachim (ed.). *Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse vom 6. bis 12. Jahrhundert* [The Slavs in Germany. History and culture of the Slavic tribes western from the Oder and Neisse from the 6th to the 12th century]. Berlin: Akademie Verlag, 1985. P. 252–268 (in German).

Homza, Martin et al. *Svatopluk v európskom písomníctve. Štúdie z dejín svätoplukovskej legendy* [Svatopluk in european literature. Studies from the history of the history of the Svatoplukian legend]. Bratislava: Post scriptum Publ., 2013. 750 p. (in Slovak).

Hrnko, Anton. Sine ira et studio, in *Etnogenéza Slovákov. Kto sme a aké je naše meno* [Ethnogenesis of the Slovaks. Who we are and what is our name]. Bratislava: Matica Slovenská Publ., 2009. P. 164–167 (in Slovak).

Hrušovský, František. *Slovenské dejiny* [The Slovak history]. Turčiansky sv. Martin: Matica slovenská Publ., 1940. 451 p. (in Slovak).

Huber, Alfons. *Gechichte Österreichs. Erster Band* [The history of Austria. The first volume]. Gotha: Friedrich Andreas Perthes Publ., 1885. 618 p. (in German).

Hudáček, Pavol. Kráľovstvo, monarchia alebo štát? (K otázke používania konceptu štátu v ranom stredoveku) [Kingdom, monarchy or state? (On the Topic of Using a Concept of State in the Early Middle Ages)], in *Forum Historiae*. 2014. No. 8 (2). P. 1–44 (in Slovak).

Kadlec, Karel. *Dějiny veřejného práva ve střední Evropě* [History of the public law in central Europe]. V Praze: Nákladem vlastním Publ., 1928. 514 p. (in Czech).

Kolár, Jaroslav (ed.). *Václav Hájek z Libočan. Kronika Česká* [Wenceslaus Hajek of Libočany. The Czech Chronicle]. Praha: Odeon Publ., 1981. 736 p. (in Czech).

Kováč, Dušan. *Slovenské dejiny v dejinách Európy. Vybrané kapitoly* [Slovak history in European history. Selected chapters]. Bratislava: Veda Publ., 2015. 466 p. (in Slovak).

Kučera, Matúš. *Kráľ Svätopluk (830? – 846 – 894)* [King Svatopluk (830? – 846 – 894)]. Martin: Matica slovenská Publ., 2010. 157 p. (in Slovak).

Kučera, Matúš. O historickom vedomí Slovákov v stredoveku [On historical consciousness of the Slovaks in medieval period], in *Historický časopis*. 1977. No. 25 (2). S. 217–238 (in Slovak).

Łowmiański, Henryk. *Początki Polski IV. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n. e.* [Origins of Poland IV. Stories of the Slavs in the 1st millenium AD]. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe Publ., 1970. 538 p. (in Polish).

Lysý, Miroslav. «Cuiuscumque nationis homines, Saxones videlicet, Hungarii, Sclavi seu alii». Odráž etnicity v normách a úradných dokumentoch stredovekého Uhorska [Ethnicity reflected in the rules of law and official documents of medieval Hungary], in *Historický časopis*. 2013. No. 61 (3). P. 421–436 (in Slovak).

Lysý, Miroslav. «Cuiuscumque nationis homines, Saxones videlicet, Hungarii, Sclavi seu alii» [Ethnicity reflected in the rules of law and official documents of medieval Hungary], in *Historický časopis*. 2014. No. 62, supplement. P. 41–57 (in Slovak).

Lysý, Miroslav. *Mojmírovská Morava na hraniciach s impériom* [The Mojmir Moravia on the borders with Empire], in *Forum historiae*. 2014. No. 8 (2). P. 103–109 (in Slovak).

Lysý, Miroslav. *Moravia, Mojmirovci a Franská ríša. Štúdie k etnogenéze, politickým inštitúciám a ústavnému zriadeniu na území Slovenska vo včasnóm stredoveku* [Moravians, Moimir dynasty, and the Frankish empire. Studies on ethnogenesis, political institutions, and power system in the territory of Slovakia in the early Middle Ages]. Bratislava: Atticum Publ., 2014. 374 p. (in Slovak).

- Lysý, Miroslav. Politika českého kniežata Břetislava I. (1035–1055) voči Uhorsku [The reign of czech prince Břetislav I (1035–1055) and Hungary], in *Historický časopis*. 2004. No. 52(3). P. 451–468 (in Slovak).
- Mesiarkin, Adam. *Vývoj inštitúcie «veče» v slovanských spoločenských 6.–14. storočia* [Development of the institute «veche» in Slavic societies from the 6th–14th century]. Bakalárska práca. Univerzita Komenského v Bratislave, Právnická fakulta. [Bachelor thesis. Comenius University Bratislava, Faculty of Law]. Bratislava 2015. 43 p. (in Slovak).
- Modzelewski, Karol. *Barbarzyńska Europa* [A Europe of barbarians]. Warszawa: ISKRY Publ., 2004. 520 p. (in Polish).
- Múcska, Vincent. *Kronika anonymného notára kráľa Bela* [The Chronicle of Anonymous Notary of the King Bela]. Budmerice: Rak Publ., 2000. 160 p. (in Slovak and Latin).
- Novotný, Václav. *České dějiny. Dílu I. část I. Od nejstarších dob do smrti knížete Oldřicha* [Czech history. Volume I, part I. Since the earliest periods until the death of prince Oldrich]. V Praze: Nákladem Jana Laichtera na Král. Vinohradech, 1912. 784 p. (in Czech).
- Papanek, Georgii. *De regno regibusque Slavorum atque cum prisci civilis, et ecclesiastici, tum hujus aevi statu gentis Slavae*. Quinque ecclesiis: Typis Johannis Josephi Engel, 1780. 355 p. (in Latin).
- Polívka, Jiří. Kterým jazykem psány jsou nejstarší památky církevního jazyka slovanského starobulharsky či staroslovensky? [In which language are written the oldest monuments of the church slavonic language, old Bulgarian or old Slovak?], in *Slovanský sborník*. 1883. No. 2 (10–11). P. 481–488, 545–554 (in Czech).
- Poulik, Josef. *Staroslovanská Morava* [Ancient slavic Moravia]. Praha: Nákladem Státního archeologického ústavu Publ., 1984. 181 p. (in Czech).
- Poulik, Josef. *Starí Moravané budují svůj stát* [Ancient Moravians build their state]. Gottwaldov: Krajské nakladatelství v Gottwaldově Publ., 1960. 300 p. (in Czech).
- Ratkoš, Peter. K diskusi o vzniku národností na našom území [To discussion on making of nationalities in our territory], in *Historický časopis*. 1963. No. 11. P. 268–269 (in Slovak).
- Ratkoš, Peter. *Slovensko v dobe veľkomoravskej* [Slovakia in the great-moravian period]. Košice: Východoslovenské vydavateľstvo, 1990. 178 p. (in Slovak).
- Sasinek, František Vítazoslav. *Dejiny dávnych národov na území terajšieho Uhorska* [History of ancient nations in the territory of current Hungary]. V Skalici: Tlač F. X. Škarnicla synov, 1867. 255 p. (in Slovak).
- Schlesinger, Walter. Die Verfassung der Sorben [The constitution of the Serbs], in *Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder* [Settlement and constitution of the Slavs between the Elbe, the Saale and the Oder]. Giesen: Wilhelm Schmitz Verlag, 1960. P. 75–102 (in German).
- Schwarzmaier, Hansmartin. Ein Brief des Markgrafen Aribro an König Arnulf [A letter of markgrave Aribro to the king Arnulf], in *Fruhmittelalterliche Studien*. 1972. No. 6. P. 55–66 (in German).
- Steinhübel, Ján. Moravia, Chorvátia a Bulharia v plánoch pápežskej kúrie (860–880) [The Moravians, the Croats and the Bulgarians in plans of the papal court], in Panis, Branislav; Ruttkay, Matej; Turčan, Vladimír (eds). *Bratia, ktorí menili svet — Konštantín a Metod: Príspevky z konferencie [Brothers who changed the world — Constantine and Methodius: conference papers]*. Bratislava: Slovenské národné múzeum Publ., 2012. P. 157–174 (in Slovak).
- Steinhübel, Ján. *Nitrianske kniežatstvo. Počiatky stredovekého Slovenska. Rozprávanie o dejinách nášho územia a okolitých krajín od sťahovania národov do začiatku 12. storočia* [The principality of Nitra. Origins of medieval Slovakia. Narration on the history of our territory and surrounding countries since the migration period until the beginning of the 12th century]. Bratislava: Veda Publ.; Rak Publ., 2004. 575 p. (in Slovak).
- Steinhübel, Ján. Slovanský «gens» a jeho stred. Kniežací hrad, pohanská svätyňa, snem a trh [Slavonic «gens» and its middle. Principal castle, pagan sanctuary, convention and market], in *Byzantinoslovaca*. 2014. No. 5. P. 142–159 (in Slovak).
- Škultěty, Jozef. Pribina, in Stanislav, Ján (ed.). *Ríša veľkomoravská. Sbornik vedeckých prác [Great-moravian empire. Miscellany of scientific works]*. Praha: Nakladateľ E. Mazáč v Prahe, 1935. P. 9–24 (in Slovak).
- Třeštík, Dušan. «Trh Moravanů» — ústřední trh staré Moravy [«Market of the Moravians» — central market of ancient Moravia], in *Československý časopis historický*. 1973. No. 21. P. 869–894 (in Czech).
- Třeštík, Dušan. Místo Velké Moravy v dějinách [Place of Great Moravia in history], in *Český časopis historický*. 1999. No. 97 (4). P. 689–727 (in Czech).
- Třeštík, Dušan. Pád Velké Moravy [The collapse of Great Moravia], in *Typologie raněfeudálních slovanských států*. Sborník příspěvků z mezinárodní konference k tématu «Vznik a rozvoj slovanských raněfeudálních států a národností ve střední a jihovýchodní Evropě», konané ve dnech 18.–20. listopadu 1986 v Praze

[*Early feudal slavic states typology*. Miscellanea of studies from international conference «The origin and the development of early feudal slavic states and nations in central and south-eastern Europe», organized in 18th–20th November 1986 in Prague]. Praha: Ústav československých a světových dějin ČSAV Publ., 1987. P. 27–76 (in Czech).

Třeštík, Dušan. *Počátky Přemyslovců. Vstup Čechů do dějin (530–935)* [*Origins of the Přemyslides. Entrance of the Czechs to the history (530–935)*]. Praha: Nakladatelství Lidové noviny Publ., 1997. 658 p. (in Czech).

Třeštík, Dušan. *Vznik Velké Moravy. Moravané, Čechové a střední Evropa v letech 791–871* [*Beginning of Great Moravia. The Moravians, the Czechs and Central Europe in years 791–871*]. Praha: Nakladatelství Lidové noviny Publ., 2001. 385 p. (in Czech).

Urbanczyk, Premyslaw (ed.). *«Neslované» o počátcích Slovanů* [«*Non-Slavs*» about the origin of the Slavs]. Praha: Univerzita Karlova v Praze, Nakladatelství Karolinum Publ., 2011. 211 p. (in Czech).

Varsik, Branislav. O vzniku a rozvoji slovenskej národnosti v stredoveku [On origin and development of the slovak medieval nationality], in *Historický časopis*. 1984. No. 32 (4). S. 529–554 (in Slovak).

Wenskus, Reinhard. *Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes* [*Tribal Formation and Constitution. The creation of early medieval peoples*]. Köln: Bohlau Verlag, 1961. 656 p. (in German).

Wihoda, Martin. *Morava v době knížecí (906–1197)* [*Moravia in the princely period (906–1197)*]. Praha: Nakladatelství Lidové noviny Publ., 2010. 467 p. (in Czech).

Wihoda, Martin. Sněmy Čechů [Assemblies of the Czechs], in Knoz, Tomáš; Dvořák, Jan (eds). *Šlechta v proměnách věků (=Země a kultura ve střední Evropě 17)* [*Nobility in historical transformations (=Country and culture in central Europe 17)*]. Brno: Matice moravská Publ., 2011. P. 17–37 (in Czech).

Zernack, Klaus. *Die burgstädtischen Volksversammlungen beim den Ost- und Westslawen. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des Veče* [*Assemblies in hillforts of the eastern and west Slavs. Studies on historical-constitutional meaning of Veče*]. Wiesbaden: Otto Harrasowitz Publ., 1967. 318 p.

Žemlička, Josef. «Moravané» v časném středověku [The early medieval «Moravians»], in *Český časopis historický*. 1992. No. 90 (1). P. 17–32 (in Czech).

Žemlička, Josef. *Čechy v době knížecí (1034–1198)* [*Bohemia in princely period (1034–1198)*]. Praha: Nakladatelství Lidové noviny Publ., 1997. 660 p. (in Czech).